

Recensiones

Рецензии

УДК 94; ББК 63.3(0); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.2015>

К. В. Шевченко, О. Г. Казак

НОВАТОРСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Институтом славяноведения Российской академии наук было подготовлено и опубликовано издание: ««Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (Очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в.)»¹. В него вошли очерки, посвященные роли языка в преподавании в контексте национально-культурной жизни Российской и Австро-Венгерской империй второй половины XIX – начале XX в., а также СССР и Польши межвоенного периода. Авторами очерков стали известные историки и филологи России, Беларуси и Украины. В центре внимания оказались проекты и реформы в сфере образования, инициаторами которых являлись различные

¹ «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (Очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в.). М.: Институт славяноведения Российской академии наук; СПб.: Нестор-История, 2021. 424 с. ISBN 978-5-4469-2043-3.

акторы: правительственные структуры, общественные круги, лидеры белорусского и украинского национальных движений.

Первый раздел сборника: «Языковые дискуссии XIX – начала XX вв. и проблемы народной школы» объединяет четыре очерка. Ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН д-р ист. наук М. В. Лескинен поднимает вопрос о языке преподавания в начальной школе Российской империи. Она останавливает внимание на ходе образовательных реформ второй половины XIX века, раскрывает взгляды и методы известных российских педагогов, таких как К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, Н. А. Корф, и рядовых практикующих учителей, которые указывали на необходимость учитывать в процессе преподавания этнокультурную специфику населения, в том числе господствующий в среде местного населения язык или диалект. Большинство педагогов не отрицало необходимости интеграции населения регионов культурно сложного государства посредством овладения русским литературным языком. На материалах дискуссии о статусе украинского (малороссийского) языка, развернувшейся в прессе в 1860-х – 1880-х гг., подчеркивает чрезмерно конфронтационный характер полемики, в которой одна сторона исходила из приоритета этноязыкового своеобразия, другая же рассматривала проблему исключительно в плоскости потенциального сепаратизма.

В очерке профессора Белорусского государственного университета (далее – БГУ) И. О. Гапоненко рассматриваются общественно-исторические и языковые аспекты развития системы образования на белорусских землях в XIX – начале XX в. Автором выделены факторы, повлиявшие на функционирование образовательной сферы: уровень национального самосознания различных слоев населения белорусских губерний; принципы языковой политики российских властей; своеобразие культурной и религиозной ситуации и др. Исследователь приходит к справедливому выводу о наличии целого комплекса неблагоприятных условий, которые предопределили отсутствие в Российской империи образования на белорусском языке, однако некоторые аргументы автора являются небесспорными. Так, характеризуя природу такого идейного течения, как западнорусизм, он отмечает, что последователи западнорусизма отказывали белорусам в праве на самостоятельное культурное развитие. При этом И. О. Гапоненко ссылается на написанную в 1929 г. работу А. И. Цвикевича, далекую от стандартов серьезного академического исследования, и игнорирует важные для понимания проблемы работы белорусского историка А. А. Киселева. Последний на богатом фактографическом материале показывает, что большинство сторонников западнорусизма скептически относились к идее создания белорусского литературного языка, видя в нем политическую игру польского национального движения и поддерживаемый Германией и Австро-Венгрией сепаратизм. В то же время они призывали к изучению и сохранению белорусского наречия, не отрицали возможности создания на нем литературных шедевров. Более того, некоторые западнорусисты говорили об использовании белорусского языка для обучения Закону Божьему белорусов-католиков, считая это мерой против их полонизации². И. О. Гапоненко обратила внимание, что лишь отдельные представители католического духовенства симпатизировали белорусскому языку.

² Киселев А. А. Правая печать и белорусский язык: pro et contra // Беларуская думка. 2017. № 1. С. 97–103.

Приведенные А. А. Киселевым факты ставят под сомнение еще одно утверждение И. О. Гапоненко, согласно которому все католики белорусских губерний воспринимались представителями властных и интеллектуальных элит исключительно как поляки. Для опровержения данного тезиса приведем выдержки из архивных документов, освещающих ситуацию в Гродненской губернии, почти четверть населения которой в конце XIX в. составляли поляки. После обнаружения Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) многие ксендзы, ссылаясь на данный акт, стали требовать права преподавания в народных училищах Закона Божьего на природном языке учащихся (в их понимании – польском). Однако, согласно личному разъяснению Гродненского губернатора, следовало отдавать предпочтение сведениям о языке местного населения, сообщаемым должностными лицами полиции и волостными правлениями. Например, в отношении ситуации во втором земском участке Гродненского уезда полиция сообщала следующее: «Население состоит исключительно из белорусов, говорящих на своем природном белорусском языке, поэтому Закон Божий учащимся римско-католического исповедания в народных училищах, расположенных в районе второго земского участка, может преподаваться лишь на их природном языке»³. Аналогичная ситуация сложилась в Верейковском приходском училище Волковысского уезда. Законоучитель римско-католического вероисповедания, ксендз В. Лавринович, организовал образовательный процесс на польском языке. Однако в донесении пристава четвертого стана Волковысского уезда (23 августа 1905 г.) отмечалось: «Все жители Вереек – белорусы, нет ни одного католика, который принадлежал бы к польской народности и говорил бы по-польски»⁴.

В разделе «Реалии образовательной системы двух Империй» содержатся очерки, посвященные проблемам языка обучения в белорусских губерниях Российской империи и в Галиции (Австро-Венгрия). Авторы рассматривают образовательные процессы сквозь призму борьбы польского культурного влияния с русским (в белорусских губерниях) и украинским (в Галиции). В работах украинских историков Н. Ф. Мысак и Н. М. Колб (Институт украиноведения имени И. Крипьякевича Национальной академии наук Украины), посвященных ситуации в Галиции, акцентируется внимание на борьбе представителей украинского национального движения и проукраински настроенного греко-католического духовенства за право преподавания на украинском языке в начальной и средней школе. В качестве основных противников данной меры позиционируются центральные и региональные власти Австро-Венгрии и польская культурная элита, имевшая сильные позиции в Галиции. Реальный общественно-политический и культурный ландшафт края был несколько сложнее. В монографии М. Э. Клоповой «Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века» приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что Вена, используя тактику «разделяй и властвуй», поддерживала некоторые устремления деятелей украинского движения. Австрийским правительством преследовались две цели: создать противовес польскому господству в Галиции и использовать

³ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 18. Д. 1080. Л. 25–25 об.

⁴ НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1090. Л. 65–65 об.

украинское движение как инструмент в борьбе против российского влияния⁵. Для этого с конца XIX в. при поддержке центральных и региональных властей в школах Галиции начинает использоваться украинское фонетическое правописание. Украинские авторы не уделили должного внимания анализу деятельности тех сил Галиции, которые считали восточнославянское население региона частью общерусского культурного пространства и выступали за преподавание в школах на русском языке. Данное направление общественной мысли в начале XX в. было отнюдь не маргинальным: так, в 1908 г. в львовский сейм и венский парламент были поданы многочисленные (около 70 000) петиции отдельных лиц и обществ об официальном использовании русского языка в школе. Власти, однако, оставили их без внимания⁶.

Раздел «Школа в эпоху перемен: Мировая война, революция, послереволюционные годы» открывает очерк кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН И. И. Барина, посвященный образовательной политике на оккупированных Германией белорусских землях в годы Первой мировой войны. Работа носит инновационный характер: ученый отказывается от несколько упрощенных, но до сих пор господствующих в историографии оценок политики германских властей в белорусском вопросе, согласно которым у оккупационной администрации имелась четкая стратегия ослабления русского и польского культурных влияний на занятых территориях. И. И. Барин акцентирует внимание на анализе трудов немецких интеллектуалов, «открывавших» для общественности, и прежде всего для оккупационной бюрократической вертикали, ранее неизвестное белорусское сообщество. Историк приводит доказательства того, что формировавшиеся концептуальные подходы к решению белорусского вопроса в образовательной сфере часто не могли быть реализованы на практике из-за того, что говоры местных жителей были чрезвычайно неоднородны. Во многих формально белорусских школах из-за неразвитости белорусского языка преподавание велось по-русски. Тем не менее, в некоторых случаях деятели белорусского национального движения сумели воспользоваться «окном возможностей» и сделать «из формальных учебных заведений, открытых германскими властями, белорусскую школу в подлинном смысле слова». Данный опыт оказался востребованным на следующих этапах белорусского нациестроительства.

Очерк Е. Г. Дашкевич (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь) посвящен школьной политике польских властей на оккупированных белорусских землях в 1919–1921 гг. Следует обратить внимание на достаточно солидную источниковую базу работы: 63 из 71 использованного источника представляют собой документы Архива новых актов и Публичной библиотеки Варшавы, большинство из них впервые вводятся в научный оборот. Е. Г. Дашкевич делает вывод о региональной дифференциации польской образовательной политики. Так, на Брестчине, ввиду размытости этнического самосознания местного населения, форсировано создавались польские школы. В белорусских поветах Виленской губернии обучение на польском языке рассматривалось как инструмент борьбы с белорусским

⁵ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016. С. 216, 268.

⁶ Шевченко К. В. Языковая борьба в Восточной Галиции в XIX веке в оценках галицко-русских общественных деятелей // Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII – XXI веках. Белград, 2020. С. 151–152.

национальным движением. На Минщине польские власти более лояльно относились к белорусскоязычным школам, видя в них противовес русскому культурному влиянию. Необходимо также отметить, что немаловажные для понимания проблемы сведения содержатся в документах белорусских архивов, которые не попали в поле зрения автора. В частности, в фонде 878 «Центральная Белорусская Рада Виленщины и Гродненщины» Национального архива Республики Беларусь отложился ряд материалов, свидетельствующих о дискриминационной политике польских властей в отношении белорусской школы. Например, информационный бюллетень Рады от 26 сентября 1919 г. был полностью посвящен проблемам организации школ на оккупированных польской армией белорусских землях⁷.

Сравнительно-исторический анализ опыта украинизации и белорусизации школ в РСФСР в 1920-е – 1930-е годы объединяет очерки в последнем разделе книги – «Родной язык и массовая школа в межвоенный период». Крупнейший российский специалист по истории советской украинизации Е. Ю. Борисенко (Институт славяноведения РАН) исследует проблему языка обучения в общеобразовательных школах УССР в 1920–1930-е гг. Она приводит свидетельства того, что украинизация часто носила принудительный характер, вызвала недовольство русскоговорящих учащихся и их родителей.

Историк К. С. Дроздов (Институт российской истории РАН) выделяет ряд общих черт в процессах украинизации и белорусизации школ. Среди них: практическое отсутствие опыта организации школ на белорусском и украинском языках в дореволюционный период, и как следствие этого отсутствие квалифицированных педагогов, способных вести обучение на данных языках; отсутствие учебников на белорусском и украинском языках, предназначенных для школ РСФСР; осознание большинством населения белорусского и украинского языков в качестве маркеров «низкой культуры» и понимание важности устойчивого владения русским языком для дальнейшего карьерного роста. В то же время имели место объективные обстоятельства, которые обусловили различную интенсивность процессов белорусизации и украинизации в РСФСР. Например, число украинцев, проживавших в Советской России, в 10 раз превышало число белорусов; основная масса украинцев проживала в европейской части России, а белорусов – в Сибири и на Дальнем Востоке. Вследствие этого процесс создания белорусских школ был объективно затруднен. В результате укрупнений 1924 и 1926 гг. в состав БССР были включены почти все этнические белорусские территории на востоке. Руководство Советской Украины было гораздо более требовательным в плане удовлетворения культурных запросов своих соотечественников, проживавших в РСФСР, нежели власти Советской Беларуси. Советские украинцы имели мощную кадровую и техническую поддержку из-за рубежа (прежде всего из «украинского Пьемонта» – находившейся в составе Польши Галиции), у белорусов же до Октябрьской революции отсутствовал подобный мощный центр национального движения.

На наш взгляд, обзор проблемы был бы более информативен, если бы авторы уделили большее внимание отношению к мероприятиям в образовательной сфере населения российско-белорусского и российско-украинского пограничья, рассмотрев особенности этнической самоидентификации. К. С. Дроздов в монографии «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.», опубликованной в 2016 г., выделил три типа трансформации малороссийской идентичности жителей российско-украинского

⁷ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 878. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

пограничья в первой трети XX в.: от малоросса к украинцу; от малоросса к русскому; от малоросса к «хохлу», «переверетню», «суржику». Носители последнего, переходного типа национального самосознания в зависимости от политических обстоятельств могли относить себя то к русским, то к украинцам⁸. Было бы интересно проследить, имели ли место подобные процессы в российско-белорусском пограничье.

Завершает сборник очерк, подготовленный доцентом Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина А. А. Савичем и посвященный анализу использования белорусского языка в коммунистическом движении Западной Беларуси межвоенного периода. Автор отмечает двойственную позицию Коммунистической партии Польши, составной частью которой являлась Коммунистическая партия Западной Белоруссии (далее – КПЗБ): польские коммунисты, с одной стороны, декларировали требования свободного культурного развития национальных меньшинств Второй Речи Посполитой (в том числе белорусов), с другой – из-за опасения усиления белорусского фактора негласно ограничивали распространение белорусскоязычной литературы. На наш взгляд, автору следовало также обратить внимание на языковой вопрос в различных белорусских регионах, в которых действовала КПЗБ. Архивные документы свидетельствуют об особой ситуации в западнополесском регионе (часть современной Брестской области Беларуси). Важным для актива КПЗБ являлся вопрос языка литературы, которую следовало направлять в населенные пункты данного края. В качестве наиболее подходящего для нужд местного населения языка чаще всего указывались русский либо украинский языки, а белорусский однозначно трактовался как непонятный для жителей края. Так, в отчете малоритской организации КПЗБ за 1933 г. отмечалось: «Литературу лучше всего присылайте на русском языке, по-белорусски совсем не понимают и по-польски не понимают»⁹. В отчете о работе пинского округа КПЗБ за ноябрь – декабрь 1935 г. отмечалось: «Большую часть литературы присылайте на русском языке. На белорусском языке не нужно присылать ничего, потому что не умеют совершенно читать, за исключением единиц. Если есть, можно часть послать на украинском языке, ну и часть на польском»¹⁰. Перспективным видится анализ документов из других регионов, освещающих позицию КПЗБ в языковом вопросе.

Следует отметить высокий методический уровень всех очерков, обращение их авторов к неизвестным и малоизвестным в современной историографии документам, в том числе к архивным материалам. Статьи рецензируемого сборника могут придать импульс дальнейшим исследованиям различных аспектов национально-культурной жизни народов Восточной Европы.

Информация о статье

Авторы: Шевченко, Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (филиал в Минске), Минск, Беларусь, Orc ID 0000-0002-9702-9883, SPIN-code 8763-8690, AuthorID 766199; e-mail: shevchenkok@hotmail.com;

Казак, Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь, Orc ID 0000-0003-3859-8071, Scopus ID 57212406931, SPIN-code 8124-9415, AuthorID 1085977; e-mail: olegkazak90@tut.by.

Заголовок: Новаторское исследование истории становления белорусского и украинского языков

⁸ Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016. С. 76–77.

⁹ НАРБ. Ф. 242п. Оп. 1. Д. 351. Л. 53.

¹⁰ НАРБ. Ф. 242п. Оп. 1. Д. 541. Л. 66.

Резюме: В статье представлен сборник очерков ««Родное слово»: Белорусский и украинский языки в школе: (Очерки истории массового образования середины XIX – середины XX века)». Книга посвящена организации образования на белорусских и украинских землях, которые на протяжении середины XIX – середины XX вв. входили в состав различных государств: Российской империи, Австро-Венгрии, СССР, Второй Речи Посполитой. Авторы очерков – историки и филологи из России, Беларуси, Украины – с новых теоретических и методологических позиций рассматривают национально-культурную политику властей в отношении белорусов и украинцев. Ученые отмечают, что конкретные проявления образовательной политики зависели от сложного комплекса взаимосвязанных факторов, таких как: представление властных и интеллектуальных элит об этнической природе населения того или иного региона; необходимость борьбы с нежелательными проявлениями культурного влияния, например, польским влиянием в белорусских губерниях Российской империи; активность представителей национальных движений; реакция жителей белорусских и украинских земель на применявшиеся образовательные практики. Многие материалы, в том числе архивные документы, впервые вводятся в научный оборот. Авторы рецензии предлагают обратить более пристальное внимание на ряд сюжетов и явлений, которые помогут лучше понять внутренние процессы в исследуемых регионах. Например, они отмечают излишнее упрощение представлений об идейном течении западнорусизма и этноконфессиональной природе жителей белорусских губерний Российской империи, отсутствие анализа деятельности представителей русофильского течения национально-культурной жизни Галиции, недостаточное внимание к населению российско-белорусского и российско-украинского пограничья периода советской коренизации. В целом, следует отметить высокий методический уровень всех очерков, обращение к неизвестным и малоизвестным в современной историографии документам. Статьи рецензируемого сборника могут придать импульс дальнейшим исследованиям различных аспектов национально-культурной жизни народов Восточной Европы.

Ключевые слова: белорусский язык, украинский язык, образовательная политика, польское влияние, ассимиляция.

Литература, использованная в статье:

Дроздов, Константин Сергеевич. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. Москва: Институт российской истории Российской академии наук; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.

Киселев, Александр Александрович. Правая печать и белорусский язык: pro et contra // *Беларуская думка.* 2017. № 1. С. 97–103.

Клопова, Мария Эдуардовна. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. Москва: Индик, 2016. 280 с.

«Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / И. И. Баринев, Е. Ю. Борисенко, И. О. Гапоненко, и др. Москва: Институт славяноведения РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 424 с.

Шевченко, Кирилл Владимирович. Языковая борьба в Восточной Галиции в XIX веке в оценках галицко-русских общественных деятелей // *Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII – XXI веках.* Белград: Институт политических исследований, 2020. С. 130–157.

Information about the article

Authors: Shevchenko, Kirill Vladimirovich – Dr. Sc. in History, professor, Branch of Russian Social University in Minsk, Minsk, Belarus, Orc ID 0000-0002-9702-9883, SPIN-code 8763-8690, AuthorID 766199; e-mail: shevchenkook@hotmail.com.

Kazak, Oleg Gennadyevich – PhD in History, associate professor, Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus, Orc ID 0000-0003-3859-8071, Scopus ID 57212406931, SPIN-code 8124-9415, Author ID 1085977; e-mail: olegkazak90@tut.by.

Title: An innovative study of the history of the formation of the Belarusian and Ukrainian languages

Summary: The article is a review the book ««Native Word». Belarusian and Ukrainian languages at school (Essays on the history of mass education in the middle of the 19th – the middle of the 20th century)». The collection of essays is devoted to the organization of education in the Belarusian and Ukrainian lands, which during the mid-19th – mid-20th centuries were part of various state formations (Russian Empire, Austria-Hungary, USSR, Poland). The authors of the essays (historians and philologists from Russia, Belarus, Ukraine) consider the national and cultural policy of the authorities towards Belarusians and Ukrainians from new theoretical and methodological positions. Scientists note that specific manifestations of educational

policy depended on a complex set of interrelated factors (the representation of power and intellectual elites about the ethnic population; the need to combat unwanted cultural influences (for example, with Polish influence in the Belarusian provinces of the Russian Empire); the activity of representatives of the Belarusian and Ukrainian national movements; the reaction of Belarusian and Ukrainian inhabitants to educational practices). Most of the articles are distinguished by a high scientific level and have a solid source base. Many materials and archival documents are introduced into scientific circulation for the first time. At the same time, the reviewers identified points that could be improved in the future editions of the book. For example, they note a simplified understanding by scientists of the influence of the ideology of Western Russianness (*Zapadnorusizm*) and the ethno-confessional character of the inhabitants of the Belarusian provinces of the Russian Empire. They pay attention to the lack of analysis of the activities of representatives of the Russophile trend in the national and cultural life of Galicia, insufficient attention to the study of the attitude towards activities in the educational sphere of the population of the Russian-Belarusian and Russian-Ukrainian borderlands during the period of Soviet indigenization (*Korenizatsiya*). The articles in the book under review can give impetus to further research into various aspects of the national and cultural life of the peoples of Eastern Europe.

Keywords: Belarusian language, Ukrainian language, educational policy, Polish influence, assimilation

References

- Drozdo, Konstantin Sergeevich. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozemye, 1923–1933 gg.* [*Ukrainization policy in the Central Chernozem region, 1923–1933*]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ.; Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 487 p. (in Russian).
- Kiselev, Aleksandr Aleksandrovich. *Pravaya pechat' i belorusskiy yazyk: Pro et contra* [Right print and Belarusian language: Pro et contra], in *Belaruskaya dumka*. 2017. № 1. Pp. 97–103. (in Russian).
- Klopova, Maria Eduardovna. *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [*Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries*]. Moscow: Indrik Publ., 2016. 280 p. (in Russian).
- «Native word»: Belarusian and Ukrainian languages at school (Essays on the history of mass education, mid–XIX – mid–XX century). Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 424 p. (in Russian).
- Shevchenko, Kirill Vladimirovich. *Yazykovaya bor'ba v Vostochnoy Galitsii v XIX veke v otsenkakh galitsko-russkikh obshchestvennykh deyateley* [Language struggle in Eastern Galicia during XIX century as viewed by Galician-Russian public activists], in *Yazyk i identichnost'. Yazyk, literatura i slavyanskiye identichnosti v XVIII – XXI vekakh* [*Language and identity. Language, literature and Slavic identities in the 18th – 21st centuries*]. Belgrade: Institute of Political Studies Publ., 2020. Pp. 130–157. (in Russian).